Радь Эльза Анисовна

д-р филол. наук, доцент, профессор

Сидорова Ирина Александровна

студентка

Стерлитамакский филиал

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

DOI 10.21661/r-116672

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Н.В. ГОГОЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ ЦИКЛА «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»)

Аннотация: данная статья посвящена описанию метафоры как способа концептуализации мира. Метафора выступает языковым механизмом, влияющим на формирование картины мира в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Исследовано функционирование метафор в гоголевских повестях и порождение ими символических образов, получающих трансцендентные смыслы.

Ключевые слова: метафора, картина мира, способ концептуализации, Го-голь.

Метафора как языковое отражение когнитивной деятельности человека — часть языковой картины мира. «Это способ наименования, характеризации, оценивания сущностей одного рода через представления о сущностях другого рода, уже сформированных в сознании человека, репрезентация знания в языковой форме» [3, с. 55].

Метафора в данном направлении рассматривается как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций [6, с. 26]. Метафора как смысловая структура, обладает особым интерпретацион-

ным потенциалом. Рождение метафоры связано с концептуальной системой человека, соответственно метафорические значения отражают концептуальный мир писателя, его мировосприятие. Таким образом, метафора как один из инструментов концептуализации мира позволяет определить смысл, вложенный автором в свое произведение.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь обращается к метафорам, выражающим поэтичность народной жизни; благодаря метафорам образы становятся наглядными, конкретными и живописными. Творчество любого художника слова нередко определяется через характерные для него метафоры.

Как отмечал Ю.М. Лотман: «Гоголь — писатель, синтезировавший самые различные стихии национальной жизни. Острая современность его произведений сочеталась со способностью проникать в глубинные пласты архаического сознания народа <...>. Произведения Гоголя могут служить основой реконструкции мифологических верований славян, восходящих к глубочайшей древности и на уровне самосознания Гоголя не известных» [4, с. 167].

Живописная яркость красок, великолепная роскошь придают пейзажу долю нереальности, граничащую с фантастичностью. Гоголь создаёт в своём художественном мире определённый идеал, где всё ярко и крупно до грандиозности: «Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!», «Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий» [1, с. 2].

Также в повестях восполнена семантика хаоса через детали описания: «...продолжала Ганна, указывая на *пруд*, угрюмо обставленный темным кленовым лесом и *оплакиваемый вербами*, потопившими в нем жалобные свои ветви», «девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный *ветреник* – *ночной ветер*, подкравшись мгновенно, целует их» [1, с. 45], «...боже ты мой, какая ночь! ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами

круча без дна; над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него!» [1, с. 168].

Знаковые слова «пруд», «чаща», «ветреник», «сладострастный», «круча без дна» содержат в себе хаотические начала, которые сменяются в дальнейшем образами с семантикой заполненности, порядка, видности: «И чрез несколько минут все уже уснуло *на селе* (как указано в повести, село находилось на возвышении, что характерно для сакрального места), один только месяц так же блистательно и чудно плыл в необъятных *пустынях* роскошного украинского *неба*», «блестящие при месяце *толпы хат*». Так, в повести реализуется мифологема о рождении космоса из хаоса путем прояснения его свойств.

Рассмотрим описание солнечного, летнего дня на Украине: «Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых (курсив наш — С.И.) сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!» [1, с. 9]. Природа полна гармонии, идиллии, красоты, поэтому мир природы у Н.В. Гоголя живой, радостный, даже сказочный. В этой картине слились воедино небесное, земное и водное пространства.

В описании природы много цвета, роскоши. Зелёный цвет связан с водой, дождем и плодородием. Синий цвет, означающий бесконечность, вечность, чистоту, символизирует духовное начало. Красный цвет — цвет праздничности, жизненной силы и молодости [7, с. 108, 167, 334] — традиционно на Руси синоним красоты.

Отметим, что автором неоднократно подчёркивается зеркальная, все отражающая роль реки, которая, «удерживая» в себе небесные светила, создаёт цельную фантастичную картину мира, сопрягающую все три космические стихии — воду, небо и землю. Как верно отмечает И.В. Карташова, фантастично-прекрасны не только пейзажи, но и вся природа «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [2, с. 60].

Другая метафора-олицетворение: «Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев» [1, с. 10] — в фольклорном выражении серебряной груди и зеленых кудрей дерев репрезентирует женское и одновременно материнское начало («серебряный» в значении «белый»). Серебряный цвет выступает отражением солнечного блеска на реке, а потому имеет гармонирующую функцию, объединяя верхний мир с нижним, земным. И вновь небо и земля едины, не обособленны, вся природа — дышащий живой организм, не просто очеловеченный, а принявший женский облик. Неслучайно образ «река — зеркало» связан с идеей самораскрытия природы как прекрасной и животворящей силы.

Важно заметить, что в повестях «Вечеров» семантика хаоса восполнена через детали описания: «Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну» [1, с. 10]. Метафора опрокинутости стирает грани между небом и землею, совмещая в себе цвета, и одновременно сигнализирует о состоянии пограничности — через четкое обозначение границы голубой бездны-неба — и о неслиянности с небом. «Бездна в мифопоэтической традиции имеет двойственную символику: это точка, откуда все происходит, а с другой стороны, место, куда все возвращается. Это и творящее, деятельное начало, вечность и бесконечность (божественное, абсолютное Время), божественное совершенство, Мировой разум, символ силы, спасения, но также и путь в потусторонний мир, дверь, проходящая между двумя мирами» [5, с. 34].

⁴ www.interactive-plus.ru

Происходит мена верха и низа («ходило вверх ногами»), что указывает на карнавальную основу повести.

Народ, полностью погруженный во всеобщий ярмарочный разгул (принимая мировые масштабы), отождествляется с водной стихией: «Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на *ропот* отдаленного *моря*, и скоро все стало пусто и глухо» [1, с. 30].

В основе метафоры *«ропот моря»* лежит звук – ропот, «невнятный и заунывный шум». Метафора представляет толпу людей, прекращающих веселье, связывает народ с огромным хаотическим потоком, передающим всеобщее состояние тревожности.

Состояние тревожности «прочитывается» и на примере метафоры «серебряный серп»: «День клонится к вечеру. Уже солнце село. Уже и нет его. Уже и вечер: свежо; где-то мычит вол; откуда-то навеваются звуки, – верно, где-нибудь народ идет с работы и веселится; по Днепру мелькает лодка... кому нужда до колодника! Блеснул на небе серебряный серп. Вот кто-то идет с противной стороны по дороге. Трудно разглядеть в темноте. Это возвращается Катерина» [1, с. 126]. Выстраивается ассоциативно-смысловой ряд: серебро луны (в алхимии луна означает серебро) – месяц, напоминающий по форме серп (согласно мифопоэтической традиции, серп и коса стоят рядом и ассоциируются со смертью), – серп, коса, жатва. Как атрибут Кроноса, серп и коса стали символами смерти. Внезапное появление месяца на небосклоне предвещает скорую угрозу в сюжете повести.

Итак, метафора в гоголевском цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» выступает лаконичным средством создания образности речи, передает авторскую концепцию мировосприятия и миропонимания, конструирует новые смыслы, выполняя внутритекстово функции смыслопорождающего устройства.

Список литературы

- 1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н.В. Гоголь. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009.-175 с.
- 2. Карташова И.В. Гоголь и романтизм [Текст] / И.В. Карташова. Калинин: Изд-во КГУ, 1975. 124 с.
- 3. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. МГУ, 1997.
- 4. Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции [Текст] / Ю.М. Лотман // Новый круг. 1993. №1. С. 167–168.
- 5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов [Текст] / М.М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1996. 416 с.
- 6. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения [Текст] / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. №1(9). С. 26–43.
- 7. Тресиддер Дж. Словарь символов [Текст] / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 448 с.